

Одигитревский Николай Николаевич

**Крещенные татары Казанской
губернии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Николаевич О.**
Крещенные татары Казанской губернии / Одигитревский Николай Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 66 с.

ISBN 978-5-521-26124-6

ISBN 978-5-521-26124-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

скомъ — 9252 — 9173, Лаишевскомъ — 5253 — 5289, Тетюшскомъ — 2803 — 2837, Чистопольскомъ — 1705 — 1776, Цивильскомъ — 1113 — 1045, Спасскомъ — 431 — 420, Чебоксарскомъ — 360 — 339, г. Царевококшайскѣ — 3 — 2, въ уѣздѣ — 25 — 17. Итого всего въ городахъ Казанской губерніи крещеныхъ татаръ значится 67 муж. и 72 женщ., а въ уѣздахъ — 22048 м и 22021 ж.

Для сравненія указываемъ здѣсь и число татаръ-мухаммеданъ Казанской же губерніи. Всего въ губерніи ихъ значится — по свѣдѣніямъ той же „Памятной книжки“ — 309883 м. и 293983 ж., а обоего пола — 603866 человекъ. Татары-мухаммедане сосредоточиваются главнымъ образомъ въ тѣхъ же уѣздахъ, гдѣ и крещеные татары.

Не смотря на племенное родство крещеныхъ татаръ съ татарами мухаммеданами, первые по своей фizioноміи довольно рѣзко отличаются отъ послѣднихъ. Кто не видалъ татарина-мухаммеданина съ его худощавымъ, блѣднымъ или желтоватымъ лицомъ, съ его гладко выбритою головою, съ короткою и большею частію жиденькой бородой и съ выбритыми волосами вокругъ губъ? Типичная фizioномія его, думаемъ, всѣмъ извѣстна. Внѣшняя фигура татарина-мухаммеданина, вообще говоря, представляетъ мало симпатичнаго. Еще болѣе не симпатичны нѣкоторыя черты его характера. Татаринъ гордъ, хитеръ, лукавъ; къ русскимъ и вообще ко всему русскому онъ относится неприязненно. Эта послѣдняя черта характера татарина нашего, впрочемъ, естественно объясняется какъ историческими причинами, такъ и религіозными.

Не такова фizioномія крещенаго татарина. Лицо его — пріятное, открытое; оно не выглядываетъ вялымъ, апатичнымъ и безжизненнымъ, какъ это зачастую встрѣчается у другихъ инородцевъ, напр. у вотяковъ; не замѣчается въ немъ и излишне развязной бойкости или той беспокойной и подозрительной юркости, которая такъ свойственна и замѣчается у всѣхъ евреевъ и у татаръ-мухаммеданъ. Если справедливо, что лицо — зеркало души, то по симпатичной вообще фizioноміи крещенаго татарина мы имѣемъ право заключать и о привлекательности его душевныхъ качествъ. Особенно характерны и выразительны глубокія (боль-

шею частию черныя), живыя и красивыя глаза крещеныхъ татаръ. Въ этихъ глазахъ не просвѣчивается ничего недобраго, зловнаго, какъ въ глазахъ татаръ-мухаммеданъ: напротивъ въ нихъ видится какая-то доброта, сердечность, невольно располагающія къ себѣ всякаго, кто смотритъ въ эти глаза. Вообще внѣшій видъ, или типъ лица крещеныхъ татаръ на столько отличенъ отъ татарскаго, что можно всегда почти безошибочно, съ перваго же взгляда, отличить ихъ отъ татаръ-мухаммеданъ.

Различаясь отъ татаръ-мухаммеданъ по своей физиономіи, крещеные татары отличаются отъ нихъ и по своей одеждѣ. Различіе въ этомъ отношеніи представляется въ слѣдующемъ. Мужчины мухаммедане — говоримъ только о сельскихъ жителяхъ, т. е. о крестьянахъ — носятъ кафтанъ (чикмян) изъ бѣлой шерсти, а крещеные татары — изъ сѣрой. Рубашки у первыхъ короче, чѣмъ у послѣднихъ и при томъ у татаръ онѣ бываютъ исключительно почти бѣлаго цвѣта, а у крещеныхъ — синяго цвѣта. Есть различіе и въ матеріалѣ, изъ котораго шьются рубашки и штаны. Матеріаломъ для бѣлья мужчинъ, равно какъ и женщинъ, у крещеныхъ татаръ служить почти повсемѣстно (въ Мамадышскомъ напр. уѣздѣ) холстина домашняго издѣлія, тогда какъ у татаръ употребляется безразлично и холстина и бумажныя матеріи. Далѣе, крещеные татары отличаются отъ мухаммеданъ и фасономъ фуражекъ. Лѣтомъ они носятъ большую частью шляпы изъ шерсти сѣраго цвѣта, а татары — бѣлаго цвѣта. Что касается зимнихъ фуражекъ — шапокъ, то покроемъ ихъ почти всегда одинаковъ съ татарскимъ. Еще одна особенность, которую нужно имѣть въ виду всегда, когда дѣло идетъ объ отличіяхъ по внѣшнему виду или по одѣянію татаръ-мухаммеданъ отъ татаръ крещеныхъ: всѣ татары-мухаммедане всегда и вездѣ носятъ, такъ называемыя, *тебетейки* (или *тюбейки*) — родъ небольшихъ шапочекъ. Тебетейка — отличительный признакъ всякаго мухаммеданина, а слѣдовательно и татарина-мухаммеданина, тогда какъ изъ крещеныхъ татаръ ее носятъ только тѣ, кто по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ склоняется болѣе на сторону мухаммеданства или явные уже отступники отъ христіанства. Таковы отличія въ одеждѣ мужчинъ.

Что касается платья и нарядовъ женскихъ, то въ этомъ отношеніи отличіе между крещеными и татарами еще болѣе значительно. Отличіе это можно видѣть прежде всего въ фасонѣ платья. Платье у татарскихъ женщинъ бываетъ очень широко, съ широкими же рукавами, съ оборками на подолѣ; а у крещенокъ оно дѣлается уже какъ въ подолѣ, такъ и въ рукавахъ, и оборки нашиваются не на самомъ подолѣ, а нѣсколько выше. Матеріаломъ для платья и для шароваръ ¹⁾ у татарокъ служатъ большею частію бумажныя матеріи, ситцы, а у крещенокъ — холстина домашняго производства. Татарскія женщины носятъ на головѣ платокъ, распуская его во всю длину и ширину (татарскій покрой), и сверхъ платка кромѣ того надѣваютъ еще шапочку; а крещенки шапокъ не носятъ и платкомъ покрываются такъ, какъ обычно покрываются и русскія женщины. Серебряныя украшенія (изъ серебряныхъ монетъ разнаго достоинства), которыми такъ любятъ щеголять крещенскія дѣвушки и замужнія женщины, большею частію отсутствуютъ въ нарядахъ женщинъ татарокъ ²⁾.

Кромѣ указанныхъ отличій въ одеждѣ замѣтно бросается въ глаза разница между крещеными и татарами-мухаммеданами и въ домашней обстановкѣ. Обыкновенно при входѣ въ домъ татарина замѣчается отсутствіе стола, замѣняемаго у нихъ *нарами*. Столы а также и стулья введены въ настоящее время только въ домахъ наиболѣе богатыхъ татаръ. Въ крещенскихъ же домахъ столы

¹⁾ Шаровары носятъ безъ исключенія всѣ татарскія и крещенскія женщины и дѣвушки.

²⁾ Къ числу женскихъ крещено-татарскихъ украшеній, состоящихъ изъ серебряныхъ монетъ, относятся слѣдующія: *члч уреме* (или члч танка)—широкая лента, нанизанная монетами; носится сзади, спускаясь вмѣстѣ съ косой, которую и закрываетъ собой; *муйин жака*—родъ ожерелья; *хасила*—лента надѣваемая черезъ плечо, на подобіе генеральской ленты, и *мушлекъ* (нагрудникъ; носится на груди). Это наряды дѣвичьи. У замужней женщины „члч уреме“ не бываетъ, но за то у ней есть другія украшенія—*жилмылак* и *сюрякя* (головные уборы). Такіе наряды бываютъ довольно цѣнны. Я высчиталъ вмѣстѣ съ стоимостью и количество всѣхъ монетъ, находившихся въ нарядѣ — и при томъ не полномъ: „хасила“ не было въ этомъ нарядѣ—одной дѣвушки-крестьянки средняго состоянія. Оказалось всѣхъ монетъ 285 на сумму 66 рублей. Есть наряды и гораздо богатѣйшія. Можно представить, каковъ долженъ быть вѣсъ полного женскаго наряда, если количество монетъ доходитъ до 300 — 400 и болѣе, изъ коихъ многія къ тому же—очень старинной чеканки!

считаются необходимою и потому обычной принадлежностью. исключенія, конечно, бывают и здѣсь, но они крайне рѣдки; Далѣе обычной принадлежностью каждаго татарскаго дома служить кувшинъ (*куман*) и тазъ, употребляемые для религіозныхъ пятикратныхъ омовеній. Въ домахъ крещеныхъ татаръ — особенно въ домахъ, гдѣ есть „татарсымаки“, т. е. придерживающіеся мухаммеданства, — также нерѣдко можно встрѣтить эти обиходные предметы; но назначеніе ихъ у крещеныхъ татаръ другое, кувшинъ и тазъ служатъ здѣсь для обычнаго (не религіознаго) омовенія лица и рукъ.

Но самое главное и замѣтное отличіе домовъ крещенскихъ отъ татарскихъ представляютъ собою иконы съ божницами, которыхъ, конечно, нѣтъ въ домахъ мухаммеданъ. Правда и въ домахъ крещеныхъ татаръ иконы иногда отсутствуютъ; но это уже считается исключеніемъ: въ значительномъ большинствѣ домовъ крещеныхъ иконы вмѣстѣ съ божницами для нихъ введены окончательно.

Впрочемъ рядомъ съ указанными отличіями въ домашней обстановкѣ крещеныхъ татаръ отъ обстановки татаръ-мухаммеданъ находится у нихъ и кое-что общаго въ этомъ отношеніи. Такъ напр. у всѣхъ крещеныхъ татаръ существуютъ нары, какъ и въ домахъ татаръ-мухаммеданъ; на этихъ нарахъ — также по татарскому обычаю — разстилаются войлоки и складываются подушки и перины. Стѣны домовъ, какъ у крещеныхъ, такъ и у татаръ-мухаммеданъ, одинаково украшаются полотенцами, называемыми *бистяр*. Дома крещеныхъ, подобно татарскимъ, раздѣляются на двѣ половины, и только у наиболѣе бѣдныхъ, жилое помѣщеніе состоитъ изъ одной сплошной, ничѣмъ не отгороженной комнаты.

По темпераменту своему, крещеные татары занимаютъ среднее мѣсто между вотяками съ одной стороны и черемисами и татарами-мухаммстанами съ другой. Они не такъ вялы и апатичны, какъ вотяки, но и не такъ сангвиничны, какъ черемисы. Крещенаго татарина нельзя такъ скоро привести въ раздраженное состояніе, какъ это можно сдѣлать съ татаринкомъ-мухаммеданиномъ; спокойный и хладнокровно-разсудительный, онъ

еще менѣе способенъ доходить до буйной дерзости или грубости въ отношеніи ко властямъ или вообще къ кому бы то ни было, хотя бы виѣшнія обстоятельства и побуждали его къ этому. Мухамеданицъ-татаринъ напр., при встрѣчѣ съ какой-нибудь неправдой, сильно возбуждается и переходитъ мѣру въ своемъ негодованіи изъ-за этой неправды: онъ кричитъ и бунтуетъ; крещеный же, хотя, съ одной стороны, не остается пассивнымъ зрителемъ обиды или неправды, но, съ другой стороны, онъ и не позволитъ себѣ кричать и говорить своему начальству дерзости или грубость. Намъ приходилось наблюдать, напр., такіе случаи. Писарь или старшина волости съ рѣзкостію и даже бранью обращается по какому-нибудь дѣлу къ крещеному татарину. Но на всѣ свои вопросы, перемѣшанные съ бранью, онъ слышитъ отъ послѣдняго лишь крайне сдержанное, но смѣлое правоученіе: „ты дѣлай свое дѣло.... зачѣмъ кричишь, зачѣмъ бранишься? Не для этого, вѣдь, ты поставленъ“.

Замѣчательна и еще одна черта въ характерѣ крещеннаго татарина. Говоримъ о томъ высокомъ понятіи, какое онъ имѣетъ относительно чести. Эта особенность отличаетъ его не только отъ другихъ Казанскихъ инородцевъ, но и отъ русскихъ. Обычный напримѣръ фактъ: ругаетъ русскаго крестьянина кто-нибудь изъ мелкаго чиновначалія, и онъ молча выслушиваетъ эту брань. Но крещеный татаринъ этого не позволитъ сдѣлать по отношенію къ себѣ. Онъ уважаетъ себя больше русскаго и поэтому-то не молчитъ при подобныхъ обстоятельствахъ, а протестуетъ. Такое, сильно развитое понятіе о чести у крещеныхъ татаръ, коренится, нужно думать, въ національномъ характерѣ ихъ.

Отношенія крещеныхъ татаръ къ русскимъ нельзя признать вполне удовлетворительными. Съ одной стороны, племенная и религіозная рознь, а съ другой—не всегда справедливыя отношенія русскихъ къ инородцамъ были причиною того, что инородцы подозрительно смотрѣли на русскихъ и боялись входить съ ними въ какія-нибудь житейскія сношенія и сближаться съ ними.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ началъ цѣлесообразнаго воспитанія и умственнаго просвѣщенія, эта антипатія и недо-вѣрчивость къ русскимъ въ значительной степени потеряли свою

прежнюю силу и устойчивость. Но тѣмъ не менѣе нѣкоторая ненормальность во взаимныхъ отношеніяхъ крещенныхъ къ русскимъ чувствуется и теперь замѣтнымъ образомъ. Привыкнуши считать себя неизмѣримо выше инородцевъ, нашъ русскій простой народъ мало обращаетъ вниманія на многія добрыя стороны въ жизни полѣднихъ: онъ все огуломъ осуждаетъ. Но всего болѣе эта ненормальность примѣчается на почвѣ религіозной. Вмѣсто того, чтобы приблизить къ себѣ инородца и стать по отношенію къ нему добрымъ, посильнымъ учителемъ, вмѣсто того, чтобы взять на себя миссію—передать ему то достоианіе христіанской цивилизаціи, какое онъ самъ успѣлъ получить въ продолжительный періодъ тысячелѣтней гражданской жизни, — нашъ русскій православный крестьянинъ часто дѣйствуетъ какъ разъ наоборотъ. Сталкиваясь съ инородцами на религіозной почвѣ, онъ нерѣдко обнаруживалъ по отношенію къ нимъ большую нетерпимость, особенно къ ихъ религіознымъ вѣрованіямъ. Естественнo, что и инородцы отплачиваютъ русскимъ тою же монетою. Обычно негодованіе инородца, по поводу презрительнаго отношенія къ нему со стороны русскихъ, сдерживается внутри и часто ничѣмъ не обнаруживается во внѣ. Но достаточно бываетъ иногда какого-нибудь, даже и незначительнаго повода, чтобы это, долго сдерживаемое негодованіе, вылилось наружу въ горькихъ жалобахъ и укоризнахъ по адресу русскихъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ прошедшаго года я былъ на торжествѣ поднятія колоколовъ въ одномъ изъ русско-черемисскихъ селеній Мамадышскаго уѣзда. Чинъ освященія колоколовъ совершался на площадкѣ, передъ церковію, въ присутствіи собравшагося со всѣхъ окрестныхъ селеній народа. Нужно замѣтить, что въ этомъ приходѣ черемисы составляютъ преобладающее большинство. Но на этотъ разъ ихъ такъ мало явилось для участія въ церковномъ торжествѣ, что они совершенно терялись въ толпѣ; по крайней мѣрѣ я, при всемъ моемъ желаніи, не могъ увидѣть ни одного изъ нихъ, почему и обратился къ стоявшей возлѣ меня женѣ мѣстнаго священника съ просьбой указать мнѣ хотя одного черемисина. Та на мою просьбу молча показала рукою назадъ. Оглядываюсь назадъ и слышу недовольное и суровое ворчаніе:— „Что же, развѣ черемисы не народъ, развѣ имъ

и молиться нельзя!?"... Это говорила стоявшая сзади меня черемиска. И спокойно спросил ее: „За что ты осердилась, что ты нашла обидного въ моемъ желаніи видѣть черемисъ?“ — „Ты русскій, а русскіе насмѣхаются надъ нами и я думала, что ты затѣмъ и спросилъ объ насъ, чтобы посмѣяться надъ нами“... Тоже самое можете вы услышать и отъ крещеныхъ татаръ. „Русскіе всегда смѣются надъ нами“, — вотъ что обычно отвѣчаютъ они на ваши вопросы касательно поведенія русскихъ крестьянъ въ отношеніи къ нимъ. И, конечно, подобныя бытовые явленія не могутъ обуславливать собою близости и солидарности интересовъ между русскими и крещеными татарами...

Здѣсь не лишне будетъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ, въ какихъ находятся въ настоящее время крещеные татары къ татарамъ-мухаммеданамъ вообще и къ мулламъ въ частности.

При разсмотрѣніи вопроса объ отношеніяхъ крещеныхъ татаръ къ татарамъ-мухаммеданамъ, нужно имѣть въ виду во-первыхъ — степень привязанности первыхъ къ христіанству и во-вторыхъ — бытовые условія, въ которыхъ они находятся въ той или другой мѣстности. Для тѣхъ крещеныхъ татаръ, которые успѣли болѣе или менѣе совершенно окрѣпнуть въ христіанствѣ и полюбить его, мухаммеданство потеряло свое прежнее обаятельное значеніе. вмѣстѣ съ этимъ, конечно, утратилось и нравственное вліяніе, какое имѣли татары-мухаммедане на крещеныхъ въ былое время. Такіе крещеные живутъ изолированно отъ татаръ-мухаммеданъ, отъ ихъ нравственнаго вліянія, и вообще мало имѣютъ съ ними какихъ бы то ни было сношеній. Но есть и такіе крещеные, среди которыхъ христіанство еще доселѣ неуспѣло пустить глубокихъ корней. Эти крещеные татары, относясь болѣе или менѣе безучастно къ православной церкви, продолжаютъ тяготѣть къ мухаммеданству, поддерживать связи съ татарами-мухаммеданами. Родственныхъ связей у такихъ крещеныхъ съ татарами-мухаммеданами, конечно, не бываетъ, благодаря законамъ, воспреещающимъ браки православныхъ съ мухаммеданами. Но дружественныя связи, знакомство съ ними поддерживаются. Это особенно замѣтно обнаруживается во время тѣхъ или дру-

гихъ праздниковъ. Если случается какой-нибудь праздникъ у крещеныхъ, татаринъ-мухаммеданинъ всегда бываетъ у нихъ почетнымъ и дорогимъ гостемъ. Если бываетъ праздникъ у татаръ-мухаммеданъ, крещеные въ свою очередь идутъ къ нимъ тоже въ качествѣ званныхъ гостей. Если такіе крещеные живутъ вмѣстѣ съ татарами въ однихъ селеніяхъ, то, благодаря различнымъ житейскимъ отношеніямъ, поводы къ дружественнымъ сношеніямъ ихъ между собою дѣлаются еще многочисленнѣе, связи становятся прочнѣе, крѣпче.

Когда крещеные татары, по незнанію главнымъ образомъ христіанства, обнаруживали сильное тяготѣніе къ мусульманству, то, естественно, они стремились при этомъ всячески избѣгать православныхъ священниковъ. Татарскіе муллы воспользовались этимъ обстоятельствомъ, весьма для нихъ выгоднымъ. Они постарались стать по отношенію къ крещенымъ въ такое же положеніе, въ какомъ они находились и находятся и по отношенію къ татарамъ-мухаммеданамъ, т. е. въ положеніи главныхъ и непосредственныхъ учителей вѣры и жизни и даже въ качествѣ совершителей различныхъ религіозныхъ требъ, какія только практикуются у мусульманъ.

Въ такихъ случаяхъ для крещеныхъ татаръ не могли не быть особенно любезными и тѣ изъ мухаммеданъ, которые въ мусульманскомъ мірѣ считались за святыхъ (ишаны). Такихъ святыхъ у нашихъ казанскихъ татаръ всегда бывало и теперь есть не мало. Пользуясь своимъ авторитетнымъ вліяніемъ на массу народную, ишаны нерѣдко являлись самыми ревностными проповѣдниками ислама въ крещено-татарской средѣ. Они смѣло разъѣзжали по многимъ окрестнымъ и дальнимъ селеніямъ крещеныхъ татаръ и вездѣ почти, куда только они не являлись, производили въ народѣ религіозное возбужденіе вмѣстѣ съ ненавистью къ русскимъ и къ русскому правительству ¹⁾. На сколько громадно было значеніе этихъ ишановъ въ разсматриваемомъ отношеніи, показываетъ, напри-

¹⁾ Нѣкоторыя подробности о дѣйствіихъ ишановъ можно видѣть въ книгѣ Прот. Е. А. Малова „Миссіонерство среди мухаммеданъ и крещеныхъ татаръ“. Казань. 1892 г., стр. 203, 241 и др.

мѣръ, то обстоятельство, что ихъ вліяніе не прекращалось и послѣ ихъ смерти: память объ нихъ очень долго сохранялась въ народѣ. Чтобы дать болѣе полное представленіе о дѣйствіяхъ ишановъ и ихъ вліяніи на народную массу, не лишнимъ считаемъ привести нѣкоторыя любопытныя подробности объ одномъ изъ такихъ ишановъ, сообщаемыя въ статьѣ М. А. Машанова „Религіозно-нравственное состояніе крещеныхъ татаръ Казанской губерніи, Мамадышскаго уѣзда“ (Казань, 1875 г.) и относящіяся къ 1875 году. Вотъ что говоритъ авторъ названной статьи объ этомъ ишанѣ.

„Ишанъ этотъ былъ *хальфой*, т. е. человѣкомъ ученымъ. Онъ жилъ лѣтъ 33 полтора ста тому назадъ или даже раньше. За святость своей жизни онъ пользовался высокимъ уваженіемъ не только между мухаммеданами, но и между крещеными; какъ тѣ, такъ и другіе возвели его въ достоинство святого и начали даже думать, что его тѣло нетлѣнно, а также приписывали ему многія пророчества и чудеса, которыя онъ будто бы совершалъ при жизни. Смерть этого ишана-хальфы также въ воображеніи народа обставлена была чудесами. Могила его находится въ деревнѣ Чаллы, Мамадышскаго уѣзда, гдѣ онъ жилъ, и гдѣ, можетъ быть, и родился. Многіе мухаммедане, проѣзжая мимо этой деревни, заходятъ на его могилу совершить молитву. Послѣ хальфы осталось потомство, которое пользовалось огромнымъ уваженіемъ. Верстъ за сто и даже далѣе, говоритъ г. Машановъ, крещеные и мухаммедане не пропускаютъ случая, чтобы завернуть къ этому, по ихъ мнѣнію, святому семейству, привезти что нибудь въ подарокъ: кто везетъ овцу, кто—курицу, кто—гуся. Кромѣ животныхъ, везутъ также для подарка яйца, масло, одежду и проч. Я много разъ, продолжаетъ г. Машановъ, старался показать крещенымъ ложность ихъ убѣжденія въ святости хальфы, какъ мухаммеданина, незаслуженность уваженія, которымъ пользуются женщины—его потомки, но, кажется, мои слова оставались безплодными“.

Въ такихъ, по—истинѣ весьма печальныхъ отношеніяхъ находилось въ былое время большинство крещеныхъ татаръ къ магометанскимъ мулламъ и ишанамъ, какъ представителямъ ислама, учителямъ вѣры и жизни. Теперь, говоря во-

обще, такихъ отношеній уже болѣе не встрѣчается. Подъ вліяніемъ разумнаго просвѣщенія и христіанскаго воспитанія, крещенные (говоримъ, конечно, о большинствѣ), разорвавши мало-по-малу почти всѣ прежнія связи, связывавшія ихъ съ магометанствомъ и съ магометанами, освободились и отъ подчиненія авторитету муллъ и ишановъ. Освобожденіе это состояло главнымъ образомъ въ томъ, что они перестали смотрѣть на нихъ, какъ на учителей своихъ и тѣмъ болѣе—какъ на лицъ священныхъ: если въ прежнія времена крещенные, наравнѣ съ магометанами, обращались къ мулламъ и за разъясненіемъ своихъ вопросовъ и недоумѣній, особенно религіозныхъ и для совершенія молитвъ или требъ по мухаммеданскому обычаю, то въ настоящее время всѣ такія отношенія между ними и муллами прекратились. Даже и наиболѣе уважасмые ишаны, и тѣ потеряли всякое значеніе въ глазахъ крещенныхъ. Тотъ самый хальфа напимѣръ, свѣдѣнія о личности котораго мы привели выше, теперь совершенно или почти совершенно забытъ крещеными. Мы много разспрашивали у крещенныхъ татаръ, ближайшихъ къ дер. Чаллы, гдѣ жилъ и умеръ упомянутый выше хальфа, о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находятся теперь они къ потомству хальфы и—оказалось, что даже эти, ближайшія къ Чалламъ селенія, которыя, въ силу уже самой близости своей къ мѣсту дѣятельности ишана, должны бы хорошо помнить его, перестали оказывать знаки своего уваженія и почтенія къ его памяти. Въ настоящее время никто почти изъ крещенныхъ татаръ не ходитъ на могилу хальфи, равно какъ никто не даетъ никакихъ подарковъ его родственникамъ.

Говоря здѣсь о перемѣнѣ въ отношеніяхъ большей части крещенныхъ татаръ къ мулламъ и ишанамъ мы не имѣемъ здѣсь въ виду другой категоріи крещенныхъ, представляющей изъ себя значительное меньшинство въ сравненіи съ первой—категоріи „*татар-сымаковъ*“, т. е. склонныхъ къ мухаммеданству и татаръ-отступниковъ. Крещенные татары этой категоріи въ своихъ отношеніяхъ, какъ ко всѣмъ вообще татарамъ, такъ въ частности и къ мулламъ, значительно разнятся отъ крещенныхъ татаръ первой категоріи. Они доселѣ поддерживаютъ самыя дѣятельныя сношенія съ муллами. Правда, сами муллы